

“КРУГЛЫЙ СТОЛ” В МОСКВЕ С УЧАСТИЕМ ПРЕЗИДЕНТА ВЕНЕСУЭЛЫ УГО ЧАВЕСА

14 октября 2010 г. Посольство Боливарианской республики Венесуэлы в Российской Федерации, Latinoамериканский культурный центр имени Симона Боливара и Институт всеобщей истории РАН провели во Всероссийской Библиотеке иностранной литературы им. Маргариты Рудомино “круглый стол”, посвященный 200-летию начала Войны за независимость Латинской Америки. В нем приняли участие: президент Венесуэлы Уго Рафаэль Чавес Фриас, чрезвычайный и полномочный посол Венесуэлы в РФ Уго Хосе Гарсия Эрнандес, заведующий Центром латиноамериканских исследований ИВИ РАН д.и.н. Е.А. Ларин и венесуэльский историк проф. К. Бооркес. В Большом зале библиотеки присутствовали представители дипломатических миссий и столичной общественности, ученые московских вузов и научных центров, студенты,

Работу круглого стола открыл У.Х. Гарсия Эрнандес, отметивший огромное историческое значение Войны за независимость для всех латиноамериканских народов, добившихся независимости в результате одержанной в ней победы и вступивших на путь суверенного развития. У.Х. Гарсия Эрнандес отметил также важность этого события и для его родины, сумевшей воплотить в своей национальной истории многие заветы Симона Боливара и реализующей ныне социально-политические и философские идеи Освободителя в процессе создания новой, боливарианской Венесуэлы.

Выступивший затем Е.А. Ларин осветил дипломатический аспект проблемы “Россия и Война за независимость Латинской Америки”. Вплоть до настоящего времени в зарубежной историографии весьма популярен тезис о якобы крайне враждебном отношении русского двора к национально-освободительному движению испанских владений в Новом Свете¹. При этом нередко говорилось о подготовке державами “Священного Союза” вооруженных экспедиций для “умиротворения” восставших колоний.

На основе малоизвестных ранее документов из Архива внешней политики Российской империи Е.А. Ларин показал основные направления в деятельности русской дипломатии в первой четверти XIX в. и раскрыл характер отношений России и Испании в вопросах, касавшихся борьбы за независимость колониальных владений Мадрида.

После Венского конгресса 1815 г. по указанию Александра I в инструкции, которыми руководствовались русские посольства за границей, были внесены коррективы. “Все дворы европейские, – говорилось в наставлении послам “Обозрение политических отношений России...” от 17 июня 1817 г., – желают проникнуть в тайну нашей политики; надлежит доказать им, что вся наша тайна в том единственно, чтоб не иметь тайных замыслов”². Данный тезис касался прежде всего Испании, так как в печати крупнейших стран того времени всячески муссировались слухи о якобы особо доверительных отношениях между Александром I и испанским королем Фердинандом VII. “Отношения Гишпаний с нами, – подчеркивалось в документе, – должны быть только приязненными, а не исключительно тесные, ибо последние могли бы произвести в других дворах недоверчивость, зависть и, таким образом, быть предосудительными как для

¹ См., например, фундаментальный труд кубинского историка Р. Герры и Санчеса: *Guerra y Sánchez R. La expansión territorial de los Estados Unidos: a expensas de España y de los países hispanoamericanos*. La Habana, 1935, p. 139.

² Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. Канцелярия, д. 13374, л. 14.

важнейших польз гишпанской монархии, так и для целостности общей политической системы Европы”.

Из текста документа видно, что русский император не желал брать на себя роль главного посредника в вопросе о восстановлении испанского господства в колониях Нового Света, считая, что этого “двор мадридский может достигнуть не через содействие одной России, но посредством совокупного единодушного вспоможения всех союзных держав, нравственного влияния нашего кабинета и, наконец, через особенное посредничество Англии”. Российскому посланнику в Мадриде Д.П. Татищеву было поручено довести эти принципы до Фердинанда VII и, “предлагая оные в приличнейшем виде, дать почувствовать, сколь они основательны”³.

Обращает на себя внимание тот факт, что русская дипломатия уже в середине 10-х годов XIX в. хорошо представляла себе Войну за независимость в Испанской Америке как движение, которое будет набирать силу. Примечательна в этом плане инструкция МИД России своему послу в США барону Ф.В. Тейлю от 7 июля 1817 г. В ней, в частности, говорилось: “Французская революция не только породила новые формы в Европе, но и распространила свое влияние на остальную часть земного шара... Если война Америки⁴ была сигналом и предвестником последующих потрясений, то тенденция испанских колоний означала позже начало целой серии событий, которые легко позволяли предвидеть их быстрое развитие”⁵.

Документы свидетельствуют о том, что Россия не проявляла каких-либо агрессивных намерений в отношении латиноамериканских патриотов и не ставила вопроса о вооруженной интервенции европейских держав в Испанскую Америку⁶.

15 апреля 1817 г. в рескрипте, направленном Д.П. Татищеву, говорилось: “Кабинет Санкт-Петербурга сделал внушение правительству Мадрида о том, что трудно поддерживать его стремление восстановить принудительными средствами власть матери-родины над колониями”⁷.

Через несколько месяцев (16 октября 1817 г.) Татищев получил новый рескрипт, сообщавший, что “союзные державы ищут возможности, которые могли бы способствовать тому, чтобы восставшие колонии Средней Америки вновь примкнули к матери-родине”. Среди мер, предлагавшихся Фердинанду VII, фигурировала прежде всего необходимость различных уступок социально-экономического и политического характера населению колоний со стороны метрополий⁸.

29 марта 1819 г. российское правительство уведомило Татищева, что в испано-латиноамериканском конфликте “вооруженные действия не могут быть приняты ни как принцип, ни как возможный акт”⁹.

Твердая позиция России в вопросе о Войне за независимость заставила Фердинанда VII в 1819 г. принять решение “использовать лишь свои собственные средства для усмирения колоний”¹⁰.

Большой интерес представляют оценки русских дипломатов последствий Войны за независимость для России и Испании. Русский консул в Филадельфии Ф.Ф. Иванов писал министру иностранных дел России К.В. Нессельроде 16 (28) июня 1822 г.: “Что касается влияния, которое способно оказать освобождение испанских колоний на состояние национальной промышленности России, то надо полагать, г-н граф, оно может быть для нас только благотворным. Развитие колоний, главными отраслями хозяйства

³ Там же, л. 37.

⁴ Имеется в виду война за независимость 13 английских колоний Северной Америки.

⁵ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 13405, л. 20.

⁶ См., например: *Слэзкин Л.Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964, с. 355.

⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 13405, л. 57.

⁸ Там же. Под Средней Америкой в XIX в. подразумевались Вест-Индия, Центральная Америка, а также иногда Венесуэла и Колумбия.

⁹ Там же, л. 57–58.

¹⁰ Там же, д. 13313, л. 33.

которых являются земледелие и добыча благородных металлов, приведет к повышению спроса на наше железо и к увеличению его потребления; изделия наших полотняных мануфактур также найдут лучший сбыт; доныне их весьма охотно приобретают жители о. Куба. Торговый флот Соединенных Штатов, в свою очередь, лишь выиграет от оживления нашей внешней торговли, занимаясь перевозками наших товаров в колонии и товаров последних к нам”¹¹.

Если Ф.Ф. Иванов считал, что образование независимых государств Латинской Америки скажется самым благоприятным образом на развитии промышленности в России и на ее торговле с этими странами, то российский посол в США П.И. Полетика высказал интересные соображения в отношении последствий войны за независимость для самой Испании. “Не подлежит сомнению, – писал он в донесении К.В. Нессельроде 19 ноября (1 декабря) 1821 г., – что в первое время Испания болезненно отнесется к отделению от нее колоний. Всей ее торговле будет нанесен сокрушительный удар, за которым последует разорение состоятельных людей. Но это трудное время пройдет. Вынужденная обходиться собственными ресурсами, Испания начнет относиться к ним более бережно, чем доселе. Окончательная потеря ее американских колоний упростит и ее внутреннее управление и внешнюю политику. Прежде всего положение Испании по отношению к Англии и Соединенным Штатам Америки почти сразу же станет более независимым, чем прежде... И Англия, и Соединенные Штаты не смогут тогда влиять на Испанию, запугивать, как они это делали до сих пор, испанское правительство перспективой освобождения ее заморских владений”¹².

Хорошо представлял себе значение войны за независимость и Александр I, считавший, что она окажет “огромное влияние” не только на метрополию, но и “на будущее всех европейских держав”¹³.

На заключительном этапе борьбы испанских колоний точка зрения российского правительства на это событие наиболее полно отражена в ответах МИД России на три вопроса, содержащихся в ноябрьском послании 1823 г. французского министра иностранных дел Ф. Шатобриана:

“1. Если Англия без согласия Фердинанда VII признает независимость испанских колоний, сделает ли то же самое санкт-петербургский двор?

2. Позволит ли Россия, не имеющая колоний и для которой эта проблема не главная, Франции и Англии принимать такие меры, которые они сочтут необходимыми?

3. Если испанское правительство откажется решать свои проблемы с колониями... считает ли Россия, что ими могут владеть другие страны и что каждое государство сможет свободно добиваться своих частных интересов за счет колоний?”¹⁴

Ответы МИД России предварялись общим анализом взаимоотношений Испании с ее заокеанскими владениями. При этом особо следует выделить то место, где говорится, что “мадридский двор никогда не требовал вооруженной интервенции европейцев для восстановления мира между метрополией и колониями”.

Петербург ответил отрицательно на первый вопрос, ссылаясь на то, что конфликт еще не окончен и Фердинанду VII, возможно, удастся восстановить суверенитет над бывшими владениями. В этом случае Россия считала “несправедливым, не соответствующим принципам, на которые опираются союзные императорские дворы, лишение испанского правительства его последних шансов”.

При ответе на второй вопрос Шатобриану напоминалось, что Россия имеет некоторые владения на территории Северной Америки и у ее берегов и, естественно, она небезразлична к событиям, происходившим тогда в Западном полушарии. В отношении же судьбы бывших испанских колоний точка зрения царского двора была весьма определенной: “В будущем Средней Америки заинтересованы все союзные державы, в силу чего столь важный вопрос должен быть решен на основании совместного договора”.

¹¹ Внешняя политика России XIX – начала XX века, т. 4 (12). М., 1980, с. 535.

¹² Там же, с. 368.

¹³ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 12456, л. 157.

¹⁴ Там же, л. 262–263.

“Нам трудно ответить так же определенно на третий вопрос”, — говорилось в документе¹⁵. Эту сложность русская дипломатия видела главным образом в том, что Испания не отказывалась и не намеревалась отказываться от попыток восстановить свое господство в колониях Нового Света. МИД России полагал, что и проблемы, заключенные в последнем вопросе, лучше всего решать на конгрессе глав крупнейших государств.

Приведенные документальные свидетельства, а также материалы, содержащиеся в работах академика Н.Н. Болховитинова, М.А. Додолева, Л.Ю. Слѣзкина и других отечественных историков, показывают всю абсурдность утверждений об агрессивных намерениях России в Новом Свете.

Дипломатическая переписка высокопоставленных лиц России и США показывает, что и в Вашингтоне были убеждены в нейтралитете русского двора и что последний отнюдь не стремился к вооруженному подавлению национально-освободительной борьбы латиноамериканских народов. В конфиденциальной беседе, состоявшейся 11 декабря 1823 г. между госсекретарем США Адамсом и послом России бароном де Тейлем, Адамс, назвав отношения между США и Россией “самыми дружескими и взаимовыгодными” по сравнению с другими европейскими державами, высоко отозвался о нейтралитете России и признал также “нейтралитет Европы в конфликте между Испанией и ее колониями”¹⁶.

Тем не менее именно в этот период пресса США была полна обличительных пасквилей в адрес России и других стран Священного союза, будто бы намеревавшихся в Новом Свете взять реванш за Испанию. Американские газеты стремились дезориентировать общественное мнение и правительства только что образовавшихся латиноамериканских государств, а также патриотов, успешно боровшихся против войск метрополии. С помощью этой кампании набиравший силу американский экспансионизм силился доказать “актуальность” и жизненную “необходимость” доктрины Монро, призванной якобы стать мощным щитом, преграждавшим путь в Западное полушарие “европейскому колониализму”.

В 1824 г., когда потеря Испанией большинства своих колоний стала очевидной, К.В. Нессельроде счел, что в интересах Испании лучше было бы “упростить вопрос”, приняв “подсказанное самой природой вещей... деление колоний на три категории”. К первой управляющий МИД России предлагал отнести колонии, “еще признающие власть метрополии”, ко второй – те, “в которых продолжается борьба между законной властью и революционной анархией”, “к третьей – колонии, где эта борьба уже прекратилась”¹⁷.

Нессельроде полагал, что в тот период союзники Мадрида должны были убедить Фердинанда VII сконцентрировать усилия на сохранении за Испанией колоний первой категории. Это, по мнению Нессельроде, будет возможно только в том случае, если испанский монарх осуществит “все необходимые для их нужд реформы, удовлетворит законные желания местного населения, выработает с союзниками основы такой системы управления, которая, действуя четко, укрепила бы его власть в указанных странах и сделала бы желанным ее восстановление в тех странах, где свирепствуют безначалие и гражданская война”¹⁸.

В качестве примера колонии, где такая политика принесла желанные плоды, глава российской дипломатии называл Кубу, этот, по его словам, “мирный, счастливый, управляемый новыми мудрыми законами остров”¹⁹. Под “мудрыми законами”, безусловно, подразумевались уступки Кубе, на которые испанская корона пошла в 10-е годы XIX в. в экономической и торговой областях, судя по тексту данного документа, по подкаске русского правительства Фердинанду VII.

Аналогичные меры Нессельроде предлагал использовать как в колониях первой категории, так и, хотя бы косвенным образом, в тех владениях, где борьба еще не завершилась триумфом патриотов.

¹⁵ Там же, л. 265–269.

¹⁶ Там же, д. 13426, л. 149–151.

¹⁷ Внешняя политика России..., т. 5 (13), с. 388.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Что касается бывших испанских владений, уже добившихся независимости, то по существу де-факто они признавались Россией суверенными государствами, и в их отношении никаких конкретных действий предпринимать не рекомендовалось.

Убежденность Нессельроде в процветании Кубы способствовала тому, что Россия наряду с Англией, Францией и США практически выступала за сохранение над островом власти Мадрида. Это проявилось, например, в реакции царского правительства на депешу государственного секретаря США Г. Клея от 10 мая 1825 г., в которой чувствовалось его стремление использовать Александра I в качестве посредника – царю предлагалось убедить Испанию заключить мир со своими бывшими колониями ради сохранения господства над Кубой и Пуэрто-Рико²⁰.

Фактически обе составляющие данного предложения США соответствовали точке зрения России на суть проблемы: она выступала за мирное урегулирование испано-американского конфликта, признавала сам факт победы и отделения колоний от “матери-родины” и в то же время, как многолетний союзник Испании, ничего не имела против ее владения Кубой и Пуэрто-Рико.

Хотя в ноте от 20 августа 1825 г. Россия не дала окончательного ответа на просьбу американской стороны, российский МИД подтвердил приверженность и тому и другому принципу, особенно отметив, что целесообразно оставить Кубу и Пуэрто-Рико под испанским флагом ради “сохранения баланса сил в Антильском (Карибском. – *Е.Л.*) море”²¹.

Таким образом, документы свидетельствуют о реалистическом, дифференцированном подходе русской дипломатии к освободительному движению в каждом владении Мадрида, о желании решать все связанные с Войной за независимость проблемы на конгрессе наиболее влиятельных держав того времени. В целом в указанный период Россия придерживалась нейтралитета по отношению к борьбе испанских колоний.

Позиция России встречала положительное отношение у С. Боливара, который не считал ее противником национально-освободительного движения в Новом Свете. Эту политику по достоинству оценивали и в Мексике. В начале 1826 г. правительственная газета “Агила мекхикана” писала: “В поведении российского императора не обнаруживается стремления к принятию враждебных мер против замечательной революции Америк. Так как Мексика находится ближе всех молодых государств к русским владениям, то рано или поздно установятся наши отношения с правительством Санкт-Петербурга”²².

Это пророчество убедительно подтвердилось всем последующим развитием русско-латиноамериканских связей.

Проф. Кармен Бооркес выступила по теме “Два века независимости Латинской Америки и Боливарианская революция”, показав органическую связь прошлого и настоящего, как в истории Венесуэлы XIX–XXI вв., так и других стран Латинской Америки. Важное место в ее формулировании занял анализ подготовки субъективного фактора Войны за независимость, в формировании которого в конце XVIII–XIX вв. выдающуюся роль сыграл уроженец Каракаса Франсиско де Миранда. Этот человек легендарной судьбы был не только участником Войны за независимость США, Французской революции и Войны за независимость Латинской Америки, но и имел тесные связи с русским двором и, прежде всего, с Екатериной II и Г.А. Потёмкиным. Она также проанализировала и роль С. Боливара, ставшего признанным лидером латиноамериканских патриотов в 10–20-х годах XIX в.

К. Бооркес уделила существенное внимание тем процессам социально-экономического и политического характера, которые сегодня имеют место в Венесуэле, процессам, связанным с ликвидацией нищеты, развитием образования, стремлением добиться независимости страны от иностранного капитала, с взятым правительством Уго Чавеса курсом на модернизацию страны и проведение независимой внешней политики.

²⁰ Этот вопрос обстоятельно рассмотрен в работе: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения, 1815–1832 гг. М., 1975, с. 313–325.

²¹ *Annuaire Historique Universel pour 1825.* 1826, p. 145.

²² АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 8831, л. 11.

Затем было предоставлено слово президенту Боливарианской республики Венесуэла Уго Рафаэлю Чавесу Фриасу. Ниже приводится официальная версия Посольства Венесуэлы в РФ его выступления на этом семинаре.

Е.А. Ларин

ВЫСТУПЛЕНИЕ УГО ЧАВЕСА

Добрый вечер! У нас мало времени: в семь часов вечера предстоит встреча с президентом Медведевым. Многие думают, что я не могу говорить меньше пяти часов. Постараюсь показать, что это не так.

Прежде всего, привет всей России, российскому народу, русскому народу, его истории, его Родине, его героическому пути. Мы, венесуэльцы, испытываем подлинное восхищение перед этой землей, этим народом, этой историей. Спасибо профессору Кармен Бооркес за то, что она это нам показала, дала ощутить. Спасибо профессору Евгению Александровичу Ларину, и позвольте пригласить его в Венесуэлу, чтобы он выступил и там. Этот семинар должен стать постоянным. Ведь я один из тех, кто убежден: вопреки выдвинутому уже много лет назад тезису Фрэнсиса Фукуямы о конце истории, мы сегодня переживаем процесс возвращения к истории.

Мой привет всем российским и иностранным участникам форума, дипломатическому корпусу, представляющему Европу, Латинскую Америку, нашему уважаемому послу Гарсиа Эрнандесу и заместителю директора этой большой библиотеки, одной из самых больших в мире, всем ее сотрудницам и сотрудникам. Ваша Академия и ваша библиотека – достояние российского народа, здесь собрано огромное богатство, и это – детище Советского Союза.

Я один из тех, кто верит: Советский Союз не исчез. Не может быть, чтобы он исчез. (*Бурные аплодисменты*). Невозможно, чтобы он исчез. Он только, как сказал один французский ученый, изменил свою форму. Остались эта страна, этот мир, это новое поколение великого народа России, всех стран, составлявших Советский Союз; в них много жизненных сил, они начинают писать новую страницу своей истории, истории уже долгой, и она будет еще долгой. Мой привет всем присутствующим венесуэльцам, нашим студентам – вот они здесь, как всегда. (...) Спасибо за приглашение на эту встречу.

Позволю себе немного поразмыслить в том же духе, что оба выдающихся историка, изучающих наши реалии. Обратите внимание: всего несколько дней назад в Буэнос-Айресе я участвовал в чрезвычайной встрече президентов стран южноамериканского сообщества – это новейший опыт, помогающий нам подняться. ... На южноамериканском континенте происходит, можно сказать, захватывающий процесс, открывающий широкой путь, впервые за двести лет нашей независимости, нашему освобождению.

Чем мы занимались в Буэнос-Айресе, где по приглашению нашего друга Кристины Фернандес, президента Аргентины, собрались мы все? Вернее, большинство из нас: наш товарищ и друг Рафаэль Корреа, президент Эквадора, не мог там присутствовать – он был похищен в Кито, блокирован в казарме полиции, в результате кампании травли со стороны эквадорских крайне правых, и, конечно, за этим скрывалась имперская рука; президент Рафаэль Корреа остался в живых только чудом. Государственный переворот в Эквадоре – почти в тот же памятный нам день, когда 182 года назад было совершено покушение на Симона Боливара, президента Великой Колумбии, – в Боготе 25 сентября 1828 г. Двести лет спустя – всё та же история: нам, лидерам и народам, стремящимся разорвать имперские цепи – старой империи или новой империи, – приходится сталкиваться с насилием, развязанным буржуазией, не имеющей Родины, сформированной по образу и подобию североамериканской империи.

Какую великую истину, какой великий тезис выдвинул сто лет назад – уже почти сто лет прошло – великий гражданин и государственный деятель Владимир Ильич Ленин (*бурные аплодисменты*): империализм – высшая фаза капитализма. Надо перечи-

тывать Ленина, перечитывать Троцкого – великих мыслителей, великих лидеров; только физически они похоронены, но их идеи мы не можем позволить похоронить.

Сейчас империализм со всей жестокостью обрушивается на Латинскую Америку и на весь мир. На весь мир! Вспомним, что сказал когда-то один латиноамериканский президент: “Бедная Мексика, она так далеко от Бога и так близко от Соединенных Штатов”. (*Смех в зале, аплодисменты*). Все мы, латиноамериканцы, можем сказать: бедная Наша Америка, она так далеко от Бога и так близко от проклятой империи. Сколько бед принес Нашей Америке империализм! Сколько бед, сколько боли, сколько агрессий! И не только открытых агрессий. На этих днях – можно было бы удивиться, но мы уже привыкли ничему не удивляться – стало известно, через сорок-пятьдесят лет, об экспериментах, проводившихся Соединенными Штатами в Гватемале: население в широких масштабах заражали сифилисом и другими венерическими болезнями. Вот такие эксперименты! Кубинцы рассказывали мне о применении химического, биологического, бактериологического оружия против Кубы. Агрессии совершались и против Центральной, и против Южной Америки, и против стран Карибского бассейна.

Несколько дней назад, пока мы совещались в Буэнос-Айресе, эквадорский народ сражался вместе со своим президентом против попытки свергнуть законное правительство Корреа. Всего два года назад в Боливии произошло то же – переворот против Эво Моралеса, и так же народ, патриоты-военные вышли защищать своего президента, свою демократическую революцию. То же самое произошло в Гондурасе всего год назад – переворот против законного правительства, которое было свергнуто крайне правыми силами, и за этим чувствовалась имперская рука. И против Венесуэлы постоянно совершаются акты агрессии. Постоянно, как я говорил той ночью в Буэнос-Айресе. Потом мы почувствовали некоторое облегчение, узнав об освобождении президента Корреа в результате военной операции – пришлось применить силу, и, к сожалению, несколько эквадорцев погибли, многие были ранены, в их числе министр иностранных дел Эквадора. И, как мы знаем, только чудом остался в живых президент Корреа – приказ убить его был уже отдан, так же, как почти десять лет назад был отдан приказ убить меня, когда в Каракасе тоже происходил переворот. Уже несколько переворотов! Об этом говорил я, говорил наш министр Николас Мадуро – вот он здесь рядом со мной – на встрече министров иностранных дел: недостаточно созывать чрезвычайную встречу всякий раз, когда произойдет переворот, недостаточно принимать коммюнике, отвергающие переворот, всякий раз, когда случится еще один, когда фашизм опять выпустит когти в Латинской Америке. Я говорю, что этого недостаточно – борьба должна вестись каждый день, так же как Лев Троцкий развивал тезис о перманентной революции. Мы в Латинской Америке сейчас переживаем перманентный заговор против правительств и народов.

Двести лет назад Венесуэле – по различным причинам, которые надо анализировать в их историческом контексте, в их значении – было суждено занять авангардную позицию в Революции независимости, которую, как говорила здесь профессор Кармен Бооркес, возглавили Боливар и Сукре. И теперь, два века спустя, иные обстоятельства вновь поставили Венесуэлу в авангард процессов перемен наших дней – вместе с Кубой, Боливией, Эквадором, Бразилией, Аргентиной, Уругваем, Парагваем, Никарагуа. Наши народы снова поднялись вместе, единым потоком – как и прежде.

Обратите внимание на глубокое противоречие: в то время, когда пал Советский Союз и кое-кто хотел перекрыть ход истории, убедить мир, что история уже закончилась, что единственно возможный для мира путь – это путь капитализма, путь гегемонии капитала, – в то же время народ Каракаса поднялся именно против капиталистических мер, навязанных почти всем странам Латинской Америки Международным валютным фондом. Нам довелось в эти годы сопротивляться одной, двум, трем и еще многим агрессиям.

Только вчера, перед тем как отправиться сюда, мне пришлось в резиденции правительства – Мирафлоресе беседовать с группой журналистов. Некоторые задавали вопросы по одной из тем, уже давно эксплуатируемых ультраправыми Европы, прежде всего Испании, и не только ими, но и ультраправыми всего мира, через принадлежащие им

СМИ... Это – перманентная, систематическая, хорошо оркестрованная атака. На тему терроризма: мир пытаются убедить, будто в Венесуэле имеются тренировочные лагеря террористов – это повторяют, и опять повторяют, и снова твердят, представляют будто бы доказательства – якобы признания раскаявшихся террористов, что в Венесуэле имеются тренировочные лагеря ЭТА, что Венесуэла обучает ФАРК и не знаю сколько еще террористических групп со всего мира²³. Это – часть агрессии империи. Другая тема – наркоторговля: будто бы Венесуэла превратилась в рай для наркодельцов, а венесуэльское правительство имеет сеть наркобизнеса. Это помимо всегдашних атак и указаний на “диктатуру” в Венесуэле. Минувшей ночью мы это обсуждали с группой друзей в Лиссабоне, пришедших меня приветствовать, и с премьер-министром [Португалии] Сократесом. Я им говорил: мы только что вышли из одних выборов и уже готовимся к следующим – это что, диктатура? Очень уж странная. Каждый год в Венесуэле проводятся выборы, а бывает и по два раза в год – это диктатура? Это – перманентные выборы.

В завершение – еще небольшой комментарий к двум предшествующим выступлениям. Отмечу, что процесс независимости Латинской Америки начался еще до того, как мы стали называться Латинской Америкой, когда нас называли Южной Америкой, или Новым Светом, или Испаноамерикой. Есть много названий: Испаноамерика, Ибероамерика, Лагиноамерика. Собственное же, исконное наше имя Абья-Яла – вот имя нашего континента. Наше название меняли, и нас именуют так, как удобно по соображениям геополитики. Но наша независимость, начавшаяся в Латинской Америке двести лет назад, жива, она не завершена. Мы живем в самый разгар процесса обретения независимости, продолжая ту же битву Миранды и Боливара, под тем же знаменем освобождения, независимости. Мы, как наши отцы и отцы наших отцов, решились стать подлинно свободными, и не отступим на этом пути. Что бы ни случилось, чего бы нам это ни стоило. (*Бурные аплодисменты*).

На пройденном пути мы усвоили достаточно прочную освободительную традицию. Как мы знаем, Миранда побывал здесь больше двухсот лет назад, в 1786–1787 годах. Вот отрывок из письма, которое Миранда, уроженец Каракаса и гражданин Вселенной, направил послу Екатерины II в Лондоне, своему другу, 30 августа 1792 года: “Вот я здесь, сделавшись генералом французской армии свободы, скоро выступаю во главе дивизии на границу”. Мы знаем, что тогда революционная Франция сопротивлялась агрессии европейских империй, европейских монархий, и Миранда вступил во французскую армию. И он пишет российскому послу: “То, что я присоединился к защитникам свободы, не должно удивить Вас, поскольку Вы знаете, что свобода – мое любимое божество и что я посвятил себя служению ему задолго до того, как Франция подумала заняться этим”. Запомним эти слова: “Свобода – мое любимое божество”. Заканчивает он словами: “Однако еще сильнее влекла меня надежда, что когда-нибудь я сумею стать полезным моей бедной родине, которую не могу оставить на произвол судьбы”. Миранде было тогда сорок два года – он родился в 1750 г. в Каракасе. За эти сорок два года он, будучи испанским военным, воевал в Африке, был послан на Кубу, оттуда дезертировал, перебрался в Соединенные Штаты и сражался в армии Джорджа Вашингтона. Он был одним из тех, кого мы можем назвать Освободителями Соединенных Штатов – другом Вашингтона, Лафайета, Мэдисона. Уже через несколько лет он появился здесь, в России. В 1792 году был генералом Франции, потом стал маршалом Франции²⁴, а на триумфальной арке в Париже было высечено его имя – Миранда. Через двадцать лет после того письма послу России, после Парижа и Лондона, Миранда вернулся в родной

²³ ФАРК (FARC EP – “Революционные вооруженные силы Колумбии – армия народа”) – леворадикальная повстанческая организация в Колумбии, ведущая партизанскую борьбу с правительством страны с 1964 г. ЭТА (ETA – “Страна басков и свобода”) – леворадикальная организация баскских сепаратистов, выступающая за независимость Страны басков и использующая террористические методы.

²⁴ Имеется в виду звание генерал-майора (в дословном переводе – “полевой маршал”). – *Прим. ред.*

Каракас. У него за плечами было уже 62 года – немало для тех времен, когда продолжительность жизни составляла 40–45 лет. В 62 года он верхом на коне командует первой освободительной армией Венесуэлы.

Через десять минут нам на выход (*показывает записку и смотрит на часы*). Будем заканчивать? (*Из зала: “Нет!”*) Сеньор посол, во время следующего визита мы будем говорить целый день, чтобы ответить на все вопросы.

За небольшое время, которое у нас остается, я хотел бы подчеркнуть основную идею: в Венесуэле и во всей Латинской Америке дело независимости, спустя двести лет после своего начала, переживает возрождение – применяясь, конечно, к новым временам, новым обстоятельствам. Миранда задумывал союз всей Южной Америки.

Боливар подхватил эту идею, развил ее и воплотил в реальность. Миранде это не удалось – ему не хватило времени, он умер пленником в Испании: в конце концов попал в руки Испании, преследовавшей его почти 20 лет, еще с Гаваны. С 1783 г. Испанская империя преследовала Миранду, в том числе и здесь, в Москве – был серьезный дипломатический конфликт, об этом писал наш друг Альперович в своей книге, она есть в вашей библиотеке, издана здесь четырехмиллионным тиражом и давно разошлась по миру²⁵. Началось с того, что Миранда был здесь на дипломатическом приеме в мундире полковника испанской армии. Испанский посол доложил об этом королю Испании, и король Испании потребовал от Екатерины не разрешать “предателю и дезертиру” носить испанскую форму. Екатерина не только не запретила ему носить испанскую форму, но и дала ему звание полковника русской армии, и с тех пор он носил форму русского полковника. Вот откуда идет наша дружба. Нам еще в детстве рассказывали легендарную историю, как Миранда в 1811 г. создал наш флаг, не совсем этот (*показывает*), но очень похожий, потом он менялся, но оставались три полосы: желтая, синяя, красная. Миранда представил его Учредительному конгрессу, депутатом которого был в 1811 г. Потом началась война, и он был назначен генералиссимусом. Нам, детям, учительница начальной школы рассказывала, что Миранда был влюблен в Екатерину, никогда ее не забывал, и, создавая флаг, выбрал цветами желтый – цвет ее волос, синий – цвет ее глаз и ярко-красный – цвет ее губ. (*Смех, аплодисменты*). И эта легенда об их любви живет до сих пор. Это – проявление тех чувств, которые у нас вызывает Миранда.

Помню, когда мы готовили восстание в Венесуэле, пал Советский Союз. Какое несчастье! Посол Гарсиа Эрнандес был тогда моим командиром в танковой части. Я начинал служить еще в 1978–1979 г. молодым лейтенантом, а моя дочка Роса – вот она здесь – была совсем маленькой, только родилась. Она моя старшая. (*Аплодисменты*). Прошли семидесятые годы, восьмидесятые. Наше революционное движение имело только наши, национальные корни, уходившие в боливарианское наследие, в нашу историю. Однако мы, молодые военные, смотрели на мир, на горизонт: на Кубу, на Никарагуа, где совершалась сандинистская революция, и, конечно, на Советский Союз. Потому что мы знали, что революции в Венесуэле придется противостоять могущественной империи – самой могущественной из всех, что были до сих пор в истории. А она всегда противостояла переменам в Латинской Америке, каким бы путем они ни происходили – не только революционным путем, который воплощали, например, Че Гевара, Фидель Кастро, но и путем выборов, как с Альенде – после выборов его свергли, и за этим скрывалась имперская рука. А все эти перевороты против Селайи, против Эво, против Корреа, против нас – за всем этим тоже имперская рука.

Мы были уже почти готовы начать восстание. История несла нас подобно урагану, как сказано у Виктора Гюго в романе “Отверженные” в том незабываемом диалоге между епископом-консерватором – они почти все консерваторы – и умирающим революционером, членом Конвента. Он был неплохой человек, тот епископ, хоть и консерватор, и пришел дать умирающему благословение. И вот на его вопросы: зачем столько крови, зачем обезглавили короля – устами умирающего революционера отвечает сам

²⁵ Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

Виктор Гюго, выдающийся мыслитель, но так мог бы ответить и Христос из Назарета, мог бы ответить и Эво Моралес, начавший революцию в Боливии, сердце Южной Америки: “Господин епископ, гроза вызревала пятьсот лет, а вы хотите считать ее причиной молнии”. Молния – только следствие грозы, которая созрела. Так и мы. Поэтому и Фидель Кастро, когда его судили, заявил трибуналу: “Выносите мне приговор, это не важно – история меня оправдает”. Пусть винят меня – революций никто не планирует, они извергаются, как вулканы. Они – продукт накопления сил, и потом дают ростки. Как говорил Боливар в Ангостуре: “Мне приписывают всё, хорошее и плохое, а меня только, как ничтожную соломинку, нес революционный ураган”. То же и теперь. Ураган двинулся. Пало советское правительство. Пало правительство сандинистов. И всё равно венесуэльская революция пошла в рост, имея свои собственные силы, свои собственные обстоятельства, даже оставшись без внешних обстоятельств – как бы то ни было, исторические роды произошли. Конечно, нам было очень жаль, что пал Советский Союз, что пали сандинисты, но остались великан Фидель, кубинский народ, кубинская революция. Так прошли все эти годы. Мне никогда не забыть один сентябрьский день 2000 года. Боливарианская революция уже становилась правительством, я был уже президентом и присутствовал на ежегодной конференции ООН. Там произошла моя первая встреча с российским президентом. Она длилась всего десять минут – надо было уложиться в эти рамки. И когда прошли те десять минут (*показывает записку: смех в зале*), помню, что мне сказал Владимир Путин: “Чао. Прошу тебя: нам надо поговорить больше”. И я стал узнавать эту землю. Я немало поездил по вашей российской родине, проникся ее историей. Я побывал в Волгограде, Ленинграде и понял всю правоту Че. В Ростове-на-Дону видел казаков, воинов России.

Подводя итог, могу сказать: это часть того же процесса независимости народов мира. У каждого – свои обстоятельства, свой темп, но никто из нас не может быть свободен в одиночку: только объединившись, мы сможем обрести новое качество – мир справедливых, мир свободных, – покончить с империями, старыми и новыми, и сделать реальностью то, о чем мечтало столько людей целые столетия.

Сегодня я могу сказать, и говорю от всего сердца: в этот мой девятый приезд в Москву должны быть подписаны важнейшие стратегические соглашения. Скажу об одном – по атомной энергетике. В меня станут тыкать пальцем, будто мы стремимся сделать атомную бомбу – нет, нам не нужна атомная бомба. Но мы будем развивать в Венесуэле атомную энергетiku с помощью российского народа – только в мирных целях. Ничего для войны! Мы, свободные народы, имеем на это право. (*Аплодисменты*). В энергетике, нефтяной и газовой отраслях Венесуэлы, как и Россия, – великие нефтяные и газовые державы, самые крупные на планете. Поэтому мы заключили стратегический союз, создаем смешанные предприятия – по нефти, газу, науке и технологиям. Скоро сюда начнет поступать венесуэльский кофе – я вам его рекомендую, в московском климате, при нулевой температуре, очень хорошо выпить кофе, и особенно венесуэльского – он один из лучших в мире. И шоколад! Пусть каждый россиянин, каждая россиянка попробуют венесуэльский шоколад – он скоро начнет поступать. (*Аплодисменты*). И кукурузная мука (*аплодисменты*) – можно будет готовить наши блюда с нею. Мы говорим и о том, чтобы наладить авиасообщение Москва – Гавана – Каракас.

Все это нас усиливает. Мы – участники подлинно стратегического союза. Еще Боливар говорил о мировом равновесии. В нем большую роль должна играть Россия, и Венесуэла – свою роль в Латинской Америке и, скажем скромно, в нашей части мира, да и в других его частях. Отсюда я отправлюсь в Белоруссию, в Иран, на Украину, в Сирию. Обведу всю “ось зла”. Мы везде играем свою роль, и никто и ничто не помешает нам ее играть.

Венесуэла – страна последней революции XX в. и первой революции XXI. Это – продолжение той революции Миранды и Боливара. Скажу откровенно: мы приезжали в Москву первый раз, второй раз, девятый раз, приедем и в десятый. Мы не обрели Советского Союза, как нам, конечно, хотелось бы. Но ничего – у нас есть братская Россия, дружественная Россия, труднопостижимая Россия. Мой привет и любовь – российской Родине! (*Бурные аплодисменты*).